

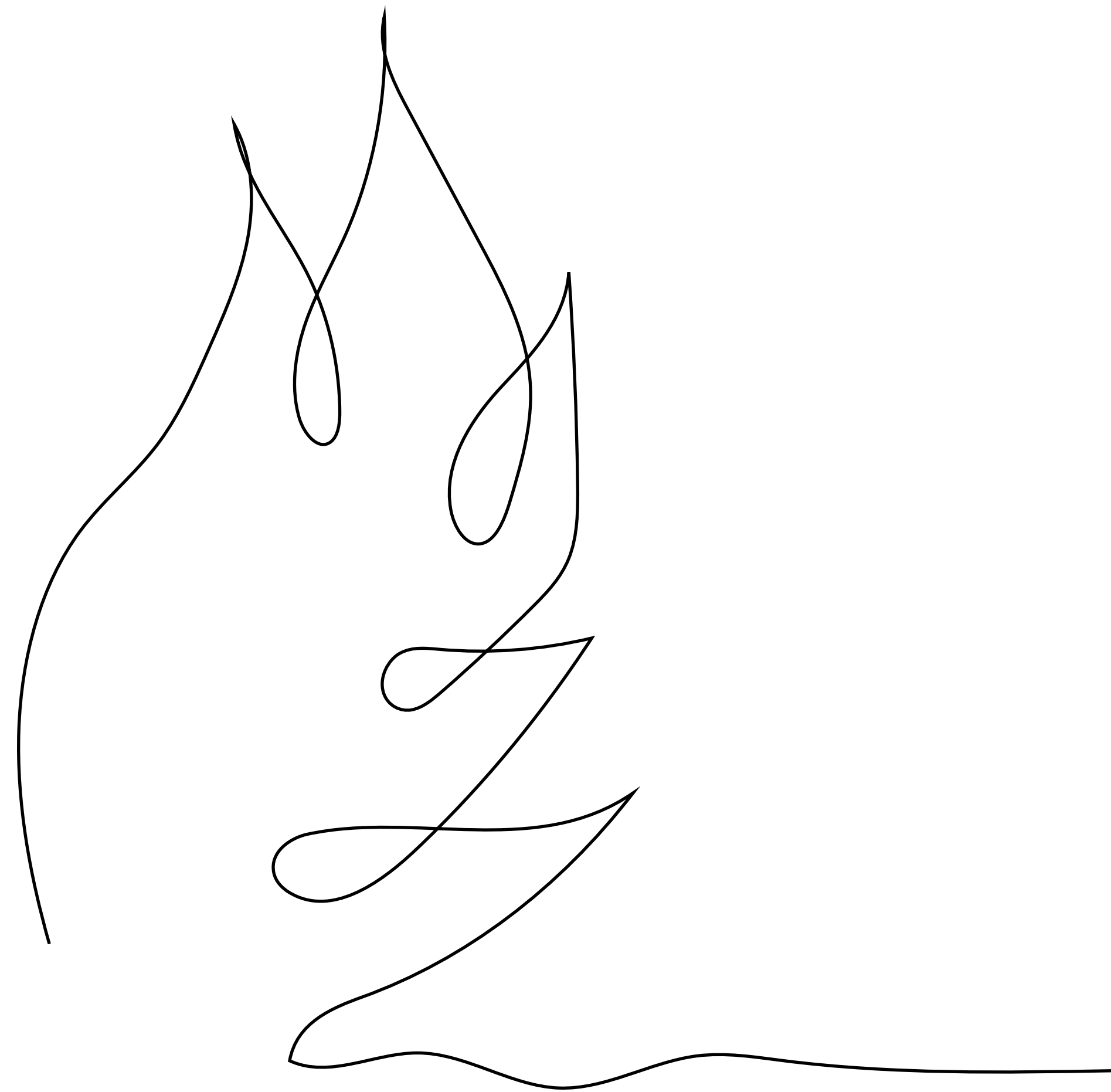
«На несгорающем костре»
Марина Цветаева и Владимир Маяковский

**Мама!
У него пожар сердца.**

В.В. Маяковский

Пожарные! – Душа горит!
М.И. Цветаева

**«Твои знамена – не мои!
Врозь наши головы»**

– такими словами из стихотворения «Чужому» могла бы обратиться Марина Цветаева к своему современнику Владимиру Маяковскому, потому что, на первый взгляд, они действительно находятся «на двух созвездиях» – это очень разные по своему мировоззрению люди. Маяковский всегда был устремлен в будущее, воспевал технический прогресс и строительство новой Москвы, делал ставку на молодежь; Цветаева – поэтизировала прошлое, всячески стараясь сохранить культуру ушедшей эпохи, память о старой дореволюционной Москве, клялась в верности «отцам» – «поколению с сиренью и с Пасхой в Кремле». Однако объединял их творческий и жизненный максимализм – они были безмерны в любви, в самоотдаче, в творческой растрате сил, были схожи своей бескомпромиссностью и требовательностью к себе, оба были «героями труда». Образ, который мог раскрыть их творческое эго, – это пылающий костер, пожар – устойчивые образы у Цветаевой и Маяковского. «Закон протянутой руки, / Души распахнутой» в сердце Цветаевой всегда побеждал. Она проявляла большой интерес к творчеству Маяковского – писала о нем в эссе «Эпос и лирика современной России», упоминала в других литературно-критических работах, посвящала стихи и бережно хранила в памяти все встречи с ним, надеясь когда-нибудь передать их на бумаге: «Про Маяковского когда-нибудь напишу, вернее запишу ряд встреч, которые помню все» (из письма М.И. Цветаевой С.Н. Андроникиной-Гальперн от 3 октября 1930).

«Москвич по росту»,

как называла Маяковского Цветаева, переехал в столицу из солнечной любимой Грузии в 1906 году.

Москва. Сухаревская площадь. 1904 – 1915 гг. Дом-музей Марины Цветаевой

Он очень полюбил Москву, и сейчас память о поэте является неотъемлемой частью культуры города. В поэме «Люблю» Маяковский писал о своих взаимоотношениях с Москвой:

**А я
говорил
с одними домами.
Одни водокачки мне собеседниками.
Окном слуховым внимательно слушая,
ловили крыши – что брошу в уши я.
А после
о ночи
и друг о друге
трещали,
язык ворочая – флюгер.
.....
У взрослых дела.
В рублях карманы.
Любить?
Пожалуйста!
Рубликов за сто.
А я,
бездомный,
ручища
в рваный
в карман засунул
и шлялся, глазастый.
Ночь.
Надеваете лучшее платье.
Душой отдыхаете на женах, на вдовах.
Меня
Москва душила в объятьях
кольцом своих бесконечных Садовых.
В сердца,
в часишки
любовницы тикают.
В восторге партнеры любовного ложа.
Столиц сердцебиение дикое
ловил я,
Страстною площадью лежа.**

Москва. Триумфально-Садовая. 1923-1930 гг.
Дом-музей Марины Цветаевой

Москва. Петровка. 1923 – 1930 гг.
Дом-музей Марины Цветаевой

Именно здесь, в Москве, и произошла встреча Марины Цветаевой с Маяковским. Первая из известных нам встреч описана Анастасией Цветаевой. 3 ноября 1911 года в Обществе свободной эстетики состоялось первое публичное выступление Марины Цветаевой, читавшей стихи «в унисон» со своей сестрой Анастасией.

По словам Анастасии Цветаевой, в зале был и Маяковский. «Среди нас был Владимир Маяковский. Он был нашего возраста. <...> Читал ли он в тот вечер – не помню».

Б. Дмитровка, 15а.
Здание, в котором проходили мероприятия
Общества свободной эстетики. 1910-е гг.
Из открытых источников

Марина и Анастасия Цветаевы. Феодосия, 1913 г. Пересъемка.
Дом-музей Марины Цветаевой

Судя по обрывочным кратким данным, которые мы можем извлечь из наследия Марины Цветаевой, она знала о Маяковском с начала его литературного пути – была знакома с его сборником «Я», слышала о его скандальных выступлениях и эпатазирующем внешнем облике. В статье «Поэт о критике» она вспоминала эти детали биографии Маяковского, нисколько его не осуждая.

«Славу, у поэта, я допускаю как рекламу – в денежных целях. Так, лично рекламой брезгуя, рукоплещу – внемерно и здесь – масштабу Маяковского. Когда у Маяковского нет денег, он устраивает очередную сенсацию (“чистка поэтов, резка поэтесс”, Америки, пр.). Идут на скандал и несут деньги. Маяковскому, как большому поэту, ни до хвалы ни до хулы. Цену себе он знает сам. Но до денег – весьма. И его самореклама, именно грубостью своей, куда чище попугаев, мартышек и гарема Лорда Байрона, как известно – в деньгах не нуждавшегося».

Необходимая отмена: ни Байрон, ни Маяковский, для славы не пускают в ход – лиры, оба – личную жизнь, отброс. Байрон желает славы? Заводит зверинец, селится в доме Рафаэля, *может быть* – едет в Грецию... Маяковский желает славы? Надевает желтую кофту и берет себе фоном – забор.

Скандальность личной жизни доброй половины поэтов – только очищение *той* жизни, чтобы *там* было чисто.

В жизни – сорно, в тетради чисто [Чисто, читай: черно. Чистота тетради именно чернота ее (примеч. М.И. Цветаевой)]».

Как особую деталь биографии Маяковского Цветаева отмечала его профессиональные занятия живописью, что в конечном итоге повлияло на стиль его ранних стихов, в которых преобладают зрительные ассоциации:

Просты́ни вод под брюхом были.
Их рвал на волны белый зуб.
Был вой трубы – как будто лили
любовь и похоть медью труб.
Прижались лодки в люльках входов
к сосцам железных матерей.
В ушах оглохших пароходов
горели серьги якорей.

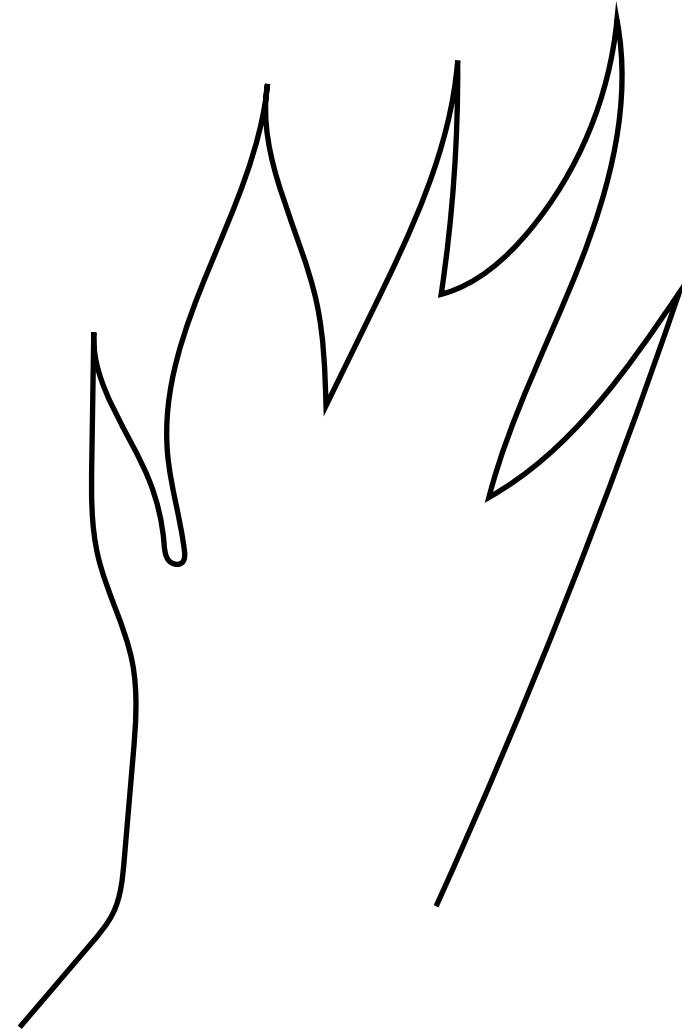

«Маяковский из живописи...» –

В.В. Маяковский. Рулетка 1910-е гг.
Из открытых источников

писала Цветаева в статье «Эпос и лирика современной России». На его ранних стихах виден зоркий глаз художника – по словам Цветаевой – «хищный глазомер простого столяра». В поэзию Маяковский пришел «обогащенный». Он искал себя в живописи, с детства занимался рисованием, после переезда в Москву посещал занятия в Строгановском училище, брал уроки в студии С.Ю. Жуковского и П.И. Келина, несколько лет был студентом Московского училища живописи, ваяния и зодчества.

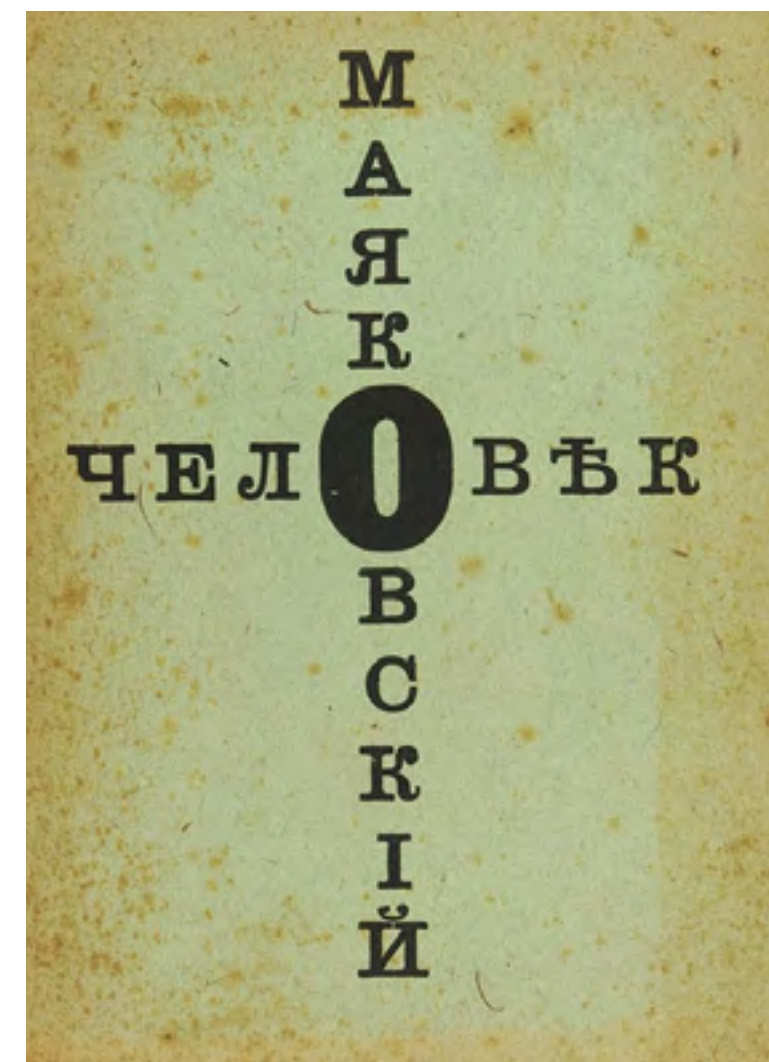

Среди друзей юности и знакомых Маяковского можно назвать многих выдающихся художников – это Михаил Ларионов, Наталья Гончарова, Аристарх Лентулов, Александр Осмеркин, Илья Машков, Георгий Якулов, Владимир Татлин, Давид Бурлюк, который и подтолкнул Маяковского к поэзии, оказав ему дружескую поддержку. И в стихах Маяковский «нашел себя окончательно». Еще одним истоком творчества Маяковского Цветаева называла революцию:

«Но к стихам Маяковский пришел еще из Революции, и неизвестно, из чего больше. Из революционной деятельности».

Следующая встреча Цветаевой и Маяковского случилась уже после революции. Это была встреча на домашнем поэтическом вечере в квартире супругов Цетлиных – Марии Самойловны и Михаила Осиповича. Вечер был домашний, но отнюдь не камерный, на нем присутствовало много гостей – поэтов старшего и младшего поколения. От символистов были К. Бальмонт, В. Иванов, Андрей Белый, от футуристов – братья Бурлюки, В. Каменский, В. Маяковский. Были на вечере и Ю. Балтрушайтис, Б. Пастернак, П. Антокольский, В. Ходасевич, А. Толстой, В. Инбер. Вечер оказался памятным для многих. Маяковский читал поэму «Человек» и произвел сильное впечатление на слушающих. Илья Эренбург вспоминал, что по лицам участников вечера можно было понять, как они относятся к поэту и его произведению:

В.В. Маяковский. Человек. М., 1918.
Воспроизведение с оригинала.
Из открытых источников

К.Д. Бальмонт. До 1917 г.
Дом-музей Марины Цветаевой

К.Ф. Юон. Портрет В.И. Иванова. 1920 г.
Пересъемка из неустановленного печатного издания. Дом-музей Марины Цветаевой

«Vyacheslav Ivanov иногда благожелательно кивал головой. Бальмонт явно томился. Балтрушайтис, как всегда, был непроницаем. Марина Цветаева улыбалась, а Пастернак влюблено поглядывал на Владимира Владимировича».

Ю.К. Балтрушайтис.
Дом-музей Марины Цветаевой

Маяковский на протяжении всей жизни выступал с чтением своих стихотворений не только в домашних салонах, но и в публичных местах, в больших аудиториях. В стихотворении «Нашему юношеству» он писал:

**«На сотни эстрад бросаю меня,
на тысячу глаз молодежи».**

Одной из ярких примет эпохи было возникновение многочисленных литературных кафе, где поэты имели возможность живого общения со своим читателем. Марина Цветаева редко бывала в подобных местах, еще реже – читала там свои стихи. Однако осенью 1921 года она посещала кафе на Тверской, желая знать последние литературные новости.

Москва. Тверская. Начало XX в. Дом-музей Марины Цветаевой

После смерти Н.С. Гумилева в августе 1921 года Москва наполнилась слухами о самоубийстве Анны Ахматовой. Встревоженная Цветаева приходила в кафе в надежде от кого-нибудь узнать достоверную информацию и сталкивалась там с Маяковским, от которого и узнала, что слухи ложные. После всех этих событий она писала Ахматовой:

«Дорогая Анна Андреевна! Все эти дни о Вас ходили мрачные слухи, с каждым часом упорнее и неопровержимей. Пишу Вам об этом, потому что знаю, что до Вас все равно дойдет – хочю, чтобы по крайней мере дошло верно. Скажу Вам, что единственным – с моего ведома – Вашим другом (друг – действие!) – среди поэтов оказался Маяковский, с видом убитого быка бродивший по картонажу “Кафе Поэтов”.

Убитый горем – у него, правда, был такой вид. Он же и дал через знакомых телеграмму с запросом о Вас, и ему я обязана второй нестерпимейшей радостью своей жизни (первая – весть о Сереже, о котором я ничего не знала два года)».

А.А. Ахматова. Петроград. [1924 г.], фото Г.К. Кириллова.
Пересъемка. Дом-музей Марины Цветаевой

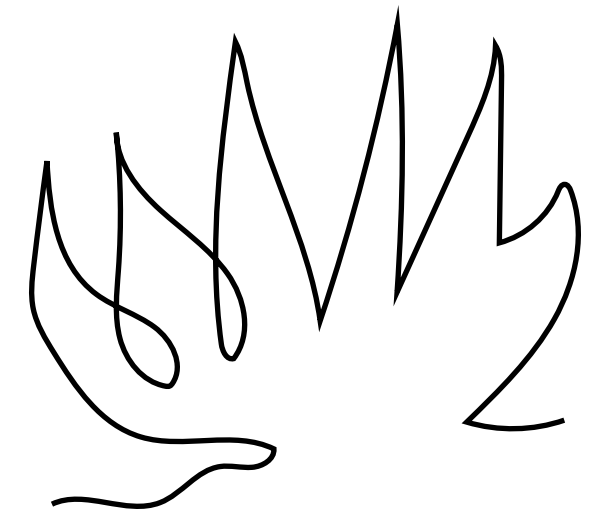
Впоследствии Цветаева всегда подчеркивала, что первое стихотворение, обращенное к Маяковскому, было написано ею «в благодарность за Ахматову»:

**Превыше крестов и труб,
Крещенный в огне и дыме,
Архангел-тяжелоступ –
Здорово, в веках Владимир!**

**Он возчик, и он же конь,
Он прихоть, и он же право.
Вздыхнул, поплевал в ладонь:
– Держись, ломовая слава!**

**Певец площадных чудес –
Здорово, гордец чумазый,
Что камнем – тяжеловес
Избрал, не прельстясь алмазом.**

**Здорово, бульжный гром!
Зевнул, козырнул – и снова
Оглоблей гребет – крылом
Архангела ломового.**

Ариадна Эфрон в своих записях о матери отмечала:

«Первое свое стихотворение Маяковскому – “Превыше крестов и труб...”, написанное в 1921 году, читала ему в Москве, вспоминала, что понравилось».

Б.А. Бессарабов. 1919 г.
Дом-музей Марины Цветаевой

Борис Бессарабов, познакомившийся с Цветаевой в доме доктора Доброва в М. Левшинском переулке, вспоминал, что застал в один из вечеров в этом доме Цветаеву, Т.Ф. Скрябину (Шлецер), Маяковского и Лилю Брик. По его словам, это было так:

(Воспоминания, впрочем, вызывают сомнения, так как других источников, в которых бы говорилось о посещении Маяковским дома Добровых, пока нет.)

«Марина Цветаева прочла свое стихотворение, посвященное В. Маяковскому. Когда она его закончила, то Маяковский, приподнявшись с подушки и упершись одной рукой в ковер, другой стал как бы выталкивать гантели и проревел громогласно: “Поэты града Московского, к вам тщетно взываю я – не делайте под Маяковского, а делайте под себя!”

Затем он почтительно повернулся в сторону Марины Ц., сидевшей на тахте у левого окна, затянутого тяжелой красивой шторой, спадавшей почти до самого пола, и сказал: – а к вам Марина Ивановна – это не относится. За стихотворение – спасибо!»

28 апреля 1922 года, незадолго до отъезда в эмиграцию, Цветаева случайно встретилась с Маяковским ранним утром на еще безлюдном Кузнецком мосту.

«Встреча эта, судя по записи в тетради, произошла в один из канунных дней Маринино отъезда, ранним утром, на пустынной еще московской улице. Маяковский окликнул Марину, спросил, как дела», –

рассказывала об этом Ариадна Эфрон. А сама Цветаева в письме к Пастернаку выразила чувство, владевшее ею тогда:

«...раннее утро... громовой оклик: Цветаева! Я уезж<ала> за границу – ты думаешь, мне не захотелось сейчас, в 6 часов утра, на улице, без свидетелей, кинуться этому огромному человеку на грудь и проститься с Россией? Не кинулась, п<отому> ч<то> знала, что Лиля Брик и не знаю что еще... (Вломиться головой в грудь)».

М.И. Цветаева. 1923 г.
Дом-музей Марины Цветаевой

Кузнецкий мост. Конец XIX в. Воспроизведение с оригинала. Из открытых источников

Тогда же, в апреле, еще до этой встречи, на похоронах Т.Ф. Шлецер Цветаева узнала от Пастернака, что Маяковский высоко оценил ее книгу «Версты». Об этом она вспоминала в своем первом письме к Пастернаку из Берлина, напомнив адресату его собственные слова – и отметив свою на них реакцию:

«Знаете, кому очень понравилась Ваша книга? – Маяковскому».

Это была большая радость: дар всей чужести, победенные пространства (времена?)

Я – правда – просияла внутри».

М.И. Цветаева. Версты. Стихи / Обл. работы П.Л. Павлинова. Марка изд-ва Н.Н. Вышеславцева. М.: Костры, 1921. Дом-музей Марины Цветаевой

Б.Л. Пастернак. 1922 г. (из собрания В.Г. Лидина). Пересъемка. Дом-музей Марины Цветаевой

Свершившаяся революция и отъезд Цветаевой расставили их с Маяковским по разные стороны баррикад. Но Цветаева ценила талант поэта независимо от его убеждений – ей было важно, что Маяковский искренен в своем поведении, в своем видении мира. Она подчеркивала, что Маяковский задолго до революционных событий сидел за свои убеждения и пропагандистскую работу в тюрьме, о чем сам поэт упоминал в поэме «Люблю»:

«Меня ж из 5-го вышибли класса. Пошли швырять в московские тюрьмы».

Однако, несмотря на все расхождения, Маяковский Цветаевой был близок. В письме Ю.П. Иваску (8 марта 1935) Цветаева писала:

«Думаю, в конце концов, что единственно верное связующее между людьми – сила. Мне чуждая сила роднее родной (по содержанию) слабости. Просто весь Маяковский роднее – всех воспевающих старого мира. Завод, площадь Маяковского роднее белых колонн феодального замка поэта Бунина. Мне дано – маяковским голосом – феодальные замки».

Цветаева – сама воспевающая старый мир и сохраняющая его в своих стихах и прозе – была близка Маяковскому формой своих произведений: революционной формой.

«Когда я однажды читала свой Лебединый Стан в кругу совсем неподходящем, один из присутствующих сказал: – Все это ничего. Вы – все-таки революционный поэт. У вас наш темп».

В.В. Маяковский на первомайской демонстрации. Красная площадь. Москва. 1 мая 1928 г. (фото Б.В. Игнатовича). Пересъемка. Дом-музей Марины Цветаевой

Долгий путь Цветаевой – путь к авангардному искусству. В конце жизни она много говорила о Хлебникове, о чем вспоминал Николай Харджиев.

Однако кроме формальных поисков было еще нечто, что сближало Цветаеву с Маяковским. То, что у Маяковского было антибуржуазным пафосом, у Цветаевой было стремлением к преобладанию духовного над материальным, гуманностью, равным отношением ко всем людям независимо от их происхождения.

«Кого я ненавижу (и вижу), когда говорю: чернь. Солдат? – Нет, сижу и пью с ними чай часами из боязни, что обидятся, если уйду.

Рабочих? – Нет, от “позвольте прикурить” на улице, даже от чистосердечного “товарищ” чуть ли не слёзы на глазах.

Крестьян? – Готова с каждой бабой уйти в ее деревню – жить: с ней, с ее ребятами, с ее коровами, с проходящими странниками, а главное – слушать! слушать! слушать! – и записывать! записывать! записывать! – без конца.

Кухарок и горничных? Но они, даже ненавидя, так хорошо рассказывают о домах, где жили: как барин газету читал “Русское Слово”, как барыня черное платье себе сшили, как барышня замуж не знала за кого идти: один дохтур был, другой военный...

Ненавижу – поняла – вот кого: толстую руку с обручальным кольцом и – в мирное время! – кошелку в ней, шелковую – “клёш” – (нарочно!) юбку на жирном животе, манеру что-то высасывать в зубах, шпильки, презрение к моим серебряным кольцам (золотых-то видно нет!) – уничтожение всей меня – всё человеческое Мясо – Мещанство!»

(Из записной книжки. 1919)

Журнал «Вещь». №3, 1922.
Воспроизведение с оригинала.
Из открытых источников

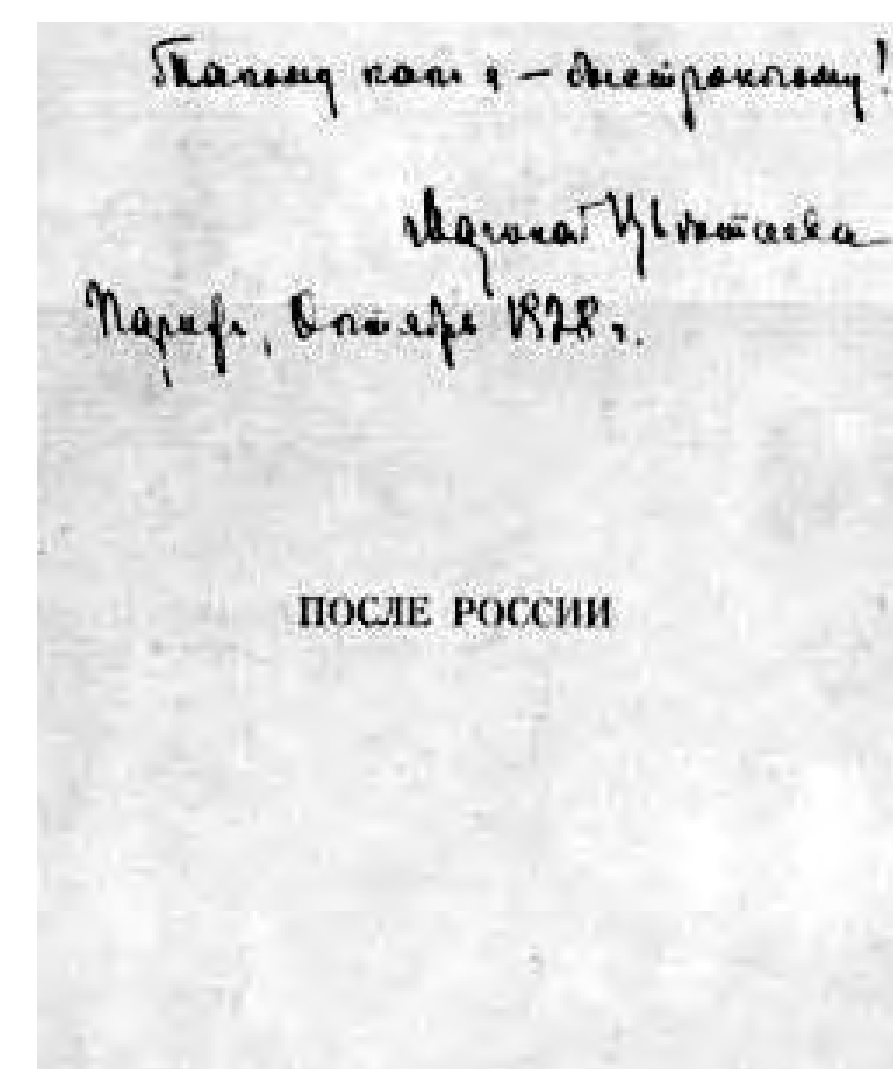
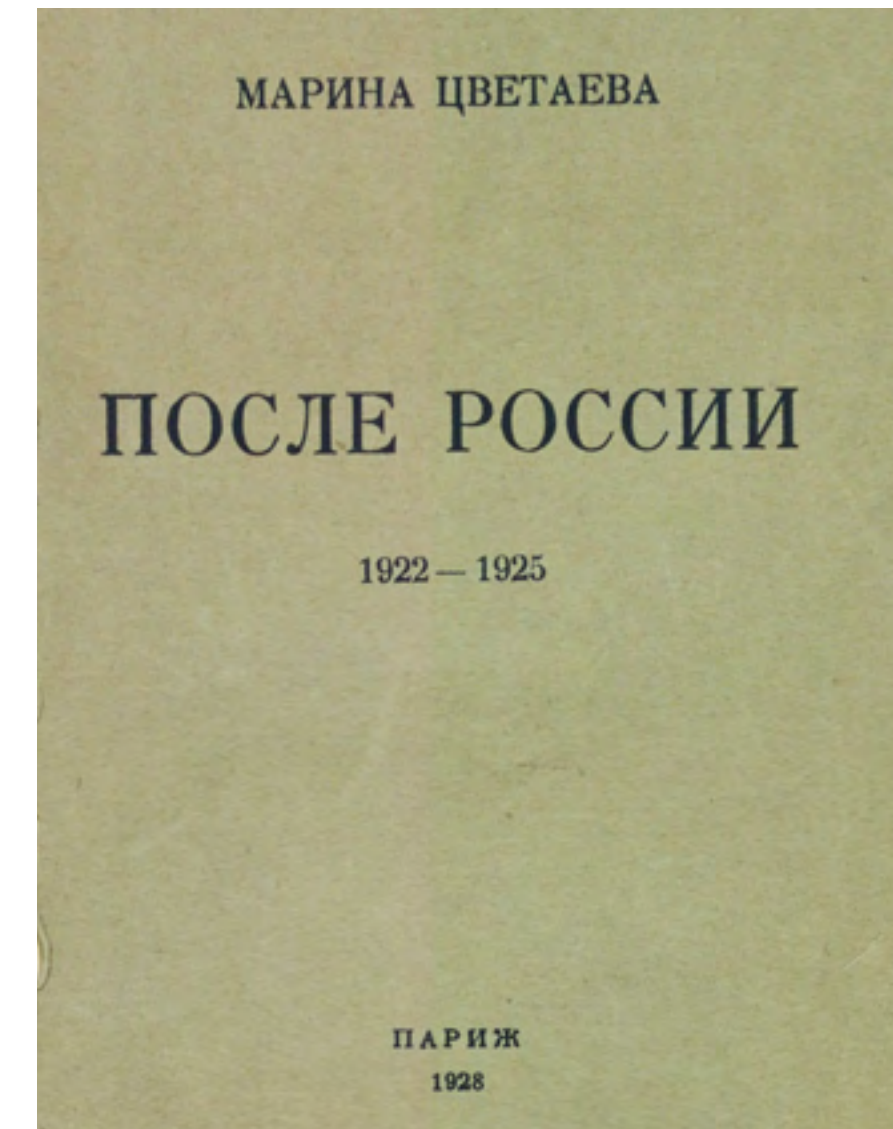
Если душа родилась крылатой –
Что ей хоромы – и что ей хаты!
Что Чингис-Хан ей и что – Орда!
Два на миру у меня врага,
Два близнеца, неразрывно-слитых:
Голод голодных – и сытость сытых!

Очевидно, Цветаевой было близко стихотворение Маяковского «Сволочи», которое она перевела на французский язык в первые дни пребывания в Берлине в мае 1922 года. Перевод был опубликован в третьем номере журнала «Вещь» за 1922 год.

Общий вид Берлина. [Начало 1910-х гг.]
Дом-музей Марины Цветаевой

Последние встречи Цветаевой с Маяковским произошли во Франции.

1. М.И. Цветаева. После России. 1922 – 1925. Париж: [Imp. Union], 1928. Дом-музей Марины Цветаевой
2. Дарственная надпись М.И. Цветаевой В.В. Маяковскому на сборнике «После России». Воспроизведение с оригинала.
Из открытых источников
«На несгорающем костре»/ Марина Цветаева и Владимир Маяковский

Осенью 1928 года Маяковский приезжал в Париж – октябрём 1928 года помечена Цветаевой ее дарственная надпись Маяковскому на книге «После России».

1. Панорама Парижа. [Начало 1910-х гг.] Дом-музей Марины Цветаевой
2. Париж. Кафе «Ля Ротонд», где бывал В.В. Маяковский (бульвар дю Монпарнас, дом № 105). 1920-е гг. Дом-музей Марины Цветаевой
3. Париж. Кафе «Ля Ротонд» на бульваре дю Монпарнас, дом № 105. [1980-е гг.] Дом-музей Марины Цветаевой

Маяковский никогда не расставался с записной книжкой, всегда носил с собой. В этот приезд у него была совершенно новая записная книжка (№ 64), на первой странице которой он записал адрес Марины Цветаевой:

«Meudon (S. et O.), 2, Avenue Jeanne d'Arc M me Zwetaeva».

Мёдон. Железнодорожный вокзал Валь-Флёри. Конец XIX в.

Мёдон. Общий вид авеню дю Буа (б. улица Жанны д'Арк). Справа – дом, где жила М.И. Цветаева с семьей. [1980-е гг.] Дом-музей Марины Цветаевой

Париж. Здание на площади де ль'Одеон: дом № 1, где до 1956 г. находилось кафе «Вольтер». [1980-е гг.] Дом-музей Марины Цветаевой

Возможно, он сделал это со слов Цветаевой, которая была на его вечере 7 ноября 1928 в кафе «Вольтер».

После этого вечера Цветаева опубликовала в газете «Евразия» (№ 1 от 24 января) приветственное слово к Маяковскому, за что потом ее преследовала эмиграция.

Евразия: Ежедельник по вопросам культуры и политики. 24 ноября 1928 г. Дом-музей Марины Цветаевой

Страница газеты «Евразия» с приветствием М.И. Цветаевой В.В. Маяковскому

«Маяковскому.

28-го апреля накануне моего отъезда из России, рано утром, на совершенно пустом Кузнецком я встретила Маяковского.

– Ну-с, Маяковский, что же передать от Вас Европе?

– Что правда – здесь.

7 ноября 1928 г., поздним вечером, выйдя из Cafe Voltaire, я на вопрос:

– Что же скажете о России после чтения Маяковского?

Не задумываясь ответила:

– Что сила – там».

Вскоре после приветствия последовало письмо Цветаевой к Маяковскому:

«Дорогой Маяковский!

Знаете чем кончилось мое приветствование Вас в “Евразии”? Изъятием меня из “Последних новостей”, единственной газеты, где меня печатали – да и то стихи 10–12 лет назад! (NB! *Последние новости!*)

“Если бы она приветствовала только поэта-Маяковского, но она в лице его приветствует новую Россию...”

Вот Вам Милюков – вот Вам я – вот Вам Вы.

Оцените взрывчатую силу Вашего имени и сообщите означенный эпизод Пастернаку и кому еще найдете нужным. Можете и огласить.

До свидания! Люблю Вас.

Марина Цветаева».

Об этих событиях Цветаева упоминала позднее в письме к Н. Вундерли-Фолькарт осенью 1930 года:

«...с русской эмиграцией лажу плохо, живу лишь в моих тетрадях – и долгах – и если изредка раздаётся мой голос, то это всегда правда, без всякого расчета, как совсем недавно, когда наш великий советский поэт Владимир Маяковский (Вы, наверное, читали о его самоубийстве? Прекрасная смерть!) выступал здесь, в Париже, вернее, просто читал свои стихи. На другой день появилось мое открытое письмо к нему – ликующий зов! – Россия еще жива! А на другой день меня выкинули из всех эмигрантских газет (где изредка печатались мои стихи) – дескать, “советская, опасная”... не помню, что еще. Меня, которая в разгар революции, в 1919-м, самом страшном году, перед залом в 2000 человек вещала с эстрады о своей любви к последнему царю».

Последняя встреча Цветаевой и Маяковского, по воспоминаниям Ариадны Эфрон, произошла в 1929 году.

«Ранней весной 1929 года Марина встретила с Маяковским в последний раз. По просьбе коммунистов одного из окраинных районов Парижа он согласился выступить перед французской рабочей аудиторией, в маленьком (“для свадеб и банкетов”!) полутемном зале маленького рабочего кафе.

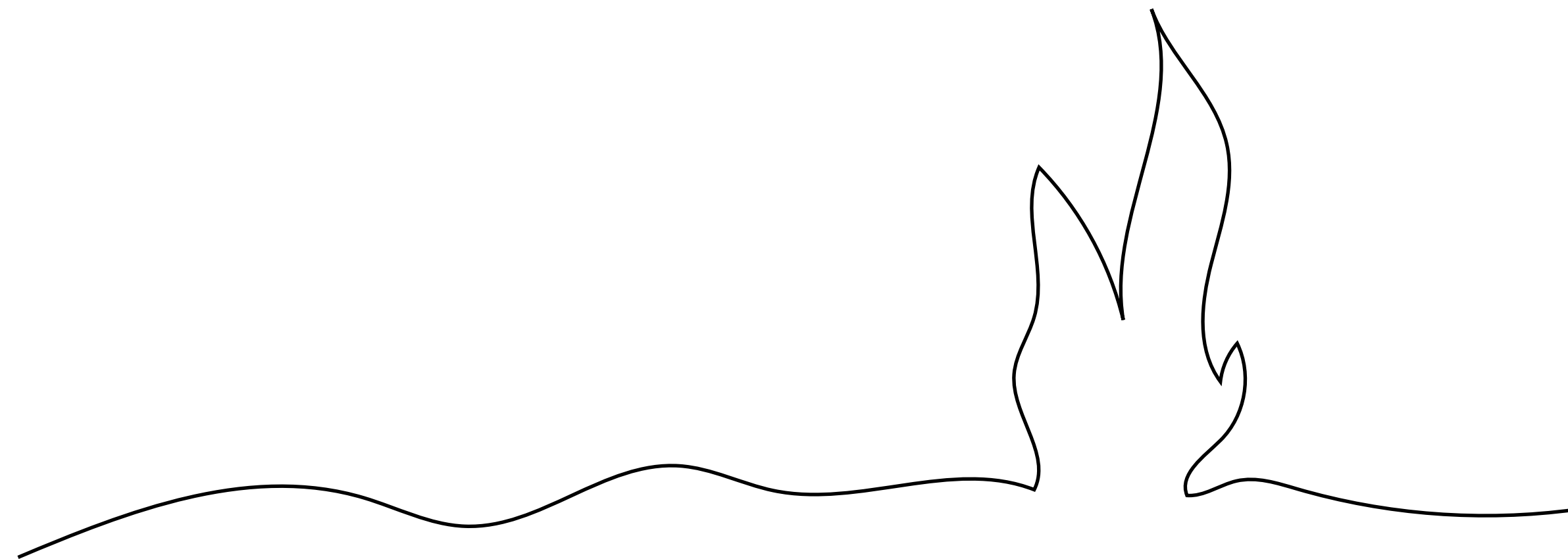
Вечер был скороспешным, без предварительной подготовки. Один из его организаторов (товарищ моего отца) пригласил моих родителей. Ободренная немногочисленным, отсутствием знакомых (любопытствующих глаз), Марина подошла к Маяковскому, познакомила его с мужем.

– Слушайте, Цветаева, – сказал Маяковский, – тут – сплошь французы. Переводить – будете? а то не поймут ни черта!

Марина согласилась, но не села на предложенный стул, – привыкла выступать стоя. Маяковский называл стихотворение, в двух словах излагал его содержание, она – переводила. Он – читал.

Потом были вопросы из зала и ответы в зал. Слушатели не столько поэзией интересовались, сколько жизнью и делами рабочего класса в Советской России. В те годы им не часто приводилось беседовать с человеком оттуда. Попадались и вопросы провокационного характера; на них Маяковский отвечал с привычной резкостью и хлесткостью и тут задал Марине работы, поскольку некоторые наши словосочетания вообще не имеют адекватов на французском языке.

Эти общие черты – всё, что донесла моя память из рассказов родителей – сквозь сорок пять лет расстояния! – о вечере, на котором сама не присутствовала, так как присматривала дома за маленьким братом. Сделанные же Мариной непосредственно после вечера записи не сохранились – они погибли во время войны вместе с той частью архива, которая была оставлена на хранение друзьям во Франции».

Многие годы радостью для Цветаевой была переписка с Пастернаком, ее духовным братом, единственным «равнодушным» ей. Пастернак знал Маяковского еще со времен его футуристической юности, и оба, несмотря на сложные отношения, общались, очень высоко ставили поэтический дар друг друга.

Неоднократно в переписке Пастернак и Цветаева упоминали Маяковского; в 1930 году речь, конечно, зашла о трагической кончине поэта. 18 апреля 1930 года Пастернак писал Цветаевой:

«Ты все знаешь уже, вероятно, из газет. Если можно, удовлетворишь тем немногим, что прибавлю о себе. Три дня я был весь в совершившемся, плакал, видел, понимал, плакал и восхищался»,

а летом 1931 года просил Цветаеву:

«Пришли мне свое о Маяковском».

Весь 1930 год прошел у Цветаевой под знаком этой утраты.

«Бедный Маяковский. Кто о нем горюет как я?» –

писала в тетради Марина Цветаева. Однако, по ее собственным словам, она всегда горевала **«не носом в подушку»**, а **«носом в тетрадь»**.

Б.Л. Пастернак, С.М. Эйзенштейн,
В.В. Маяковский, Л.Ю. Брик. 1924 г.
Пересъемка. Дом-музей Марины Цветаевой

Цветаевский цикл «Маяковскому» и стихотворение Пастернака «Смерть поэта» – нерукотворные памятники безвременно ушедшему собрату, воздвигнутые силой таланта, любви и горя.

**Выстрел – в самую душу,
Как только что по врагам.
Богоборцем разрушен
Сегодня последний храм.**

**Еще раз не осекся,
И, в точку попав, – усоп.
Было стало быть сердце,
Коль выстрелу следом – стоп.**

**(Зарубежье, встречаясь:
«Ну, казус! Каков фугас!
Значит – тоже сердца есть?
И с той же, что и у нас?»)**

**Выстрел – в самую точку,
Как в ярмарочную цель.
(Часто – левую мочку
Отбивши – с женой в постель.)**

**Молодец! Не прошибся!
А женщины ради – что ж!
И Елену паршивкой
– Подумавши – назовешь.**

**Лишь одним, зато знатно,
Нас лефовец удивил:
Только вправо и знавший
Палить-то, а тут – слевил.**

**Кабы в правую – свёрк бы
Ланцетик – и здрав ваш шеф.
Выстрел в левую створку:
Ну в самый те Центропев!**

Главной причиной смерти Маяковского Цветаева видела ограничение самим поэтом своей творческой свободы:

«Владимир Маяковский, двенадцать лет подряд верой и правдой, душой и телом служивший –

**Всю свою звонкую силу поэта
Я тебе отдаю, атакующий класс!**

кончил сильнее, чем лирическим стихотворением – лирическим выстрелом. Двенадцать лет подряд человек Маяковский убивал в себе Маяковского-поэта, на тринадцатый поэт встал и человека убил. <...>

Прожил как человек и умер как поэт».

(«Искусство при свете совести»)

Память о Маяковском сопутствовала Цветаевой и в последующие годы. Именно его вспоминала она, задумываясь о собственном конце:

«Мне все эти дни хочется написать свое завещание. Мне вообще хотелось бы не-быть. Иду с Муром или без Мура, в школу или за молоком – и изнутри, сами собой – слова завещания. Не вещественного – у меня ничего нет – а что-то, что мне нужно, чтобы люди обо мне знали: разъяснение. Свести счеты, хотя Маяковский и сказал:

**Кончена жизнь – и не к чему перечень
Взаимных болей, и ран, и обид...»**

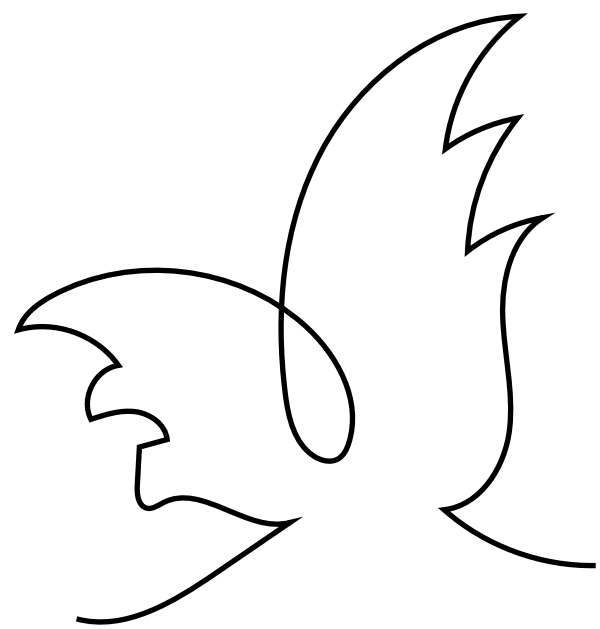
(из письма М.И. Цветаевой к А.А. Тесковой от 21 ноября 1934)

До последних лет жизни Цветаева сохранила очень нежное отношение к Маяковскому – порой нежно-ироническое, но с безусловным преобладанием нежности над иронией. Так, в письме к Людмиле Веприцкой (январь 1940) Цветаева обращается к рекламному творчеству Маяковского, за что многие современники его так часто критиковали:

«А вот реклама (не менее умильная!) для сосок – Маяковского (1921 г.) (Первые две строки – не помню)

**...Ну уж и соска, – всем соскам – соска!
Сам эту соску сосать готов!**

(Почему-то эта соска в его устах мне видится – садовой шлангой, или трубкой громкоговорителя, или – той, Страшного Суда...»

Рекламный плакат. Текст В.В. Маяковского, художник А.М. Родченко. 1923 г. Воспроизведение с оригинала. Из открытых источников

Летом 1941 года в эвакуации Лидия Чуковская случайно встретилась с Цветаевой, попыталась поддержать ее, помочь. Привела к своим знакомым – те попросили Цветаеву почитать стихи.

«Пока Цветаева читала, я пыталась понять, чье чтение вспоминается мне сквозь ее интонации. Вызов, властность – и какое-то воинствующее одиночество. Читая, щетинится пленным царственным зверем, презирающим клетку и зрителей.

**Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне без-раз-лич-но – на каком
Непонимаемой быть встречным!**

Вспомнила! Маяковский. Когда-то, в детстве, в Куоккале, я слышала Маяковского. Он читал моему отцу “Облако в штанах”. И так же щетинился пленным зверем – диким, не усмирным, среди ручных».

М.И. Цветаева. 1940 г.
Российский государственный архив литературы и искусства

Хотя на протяжении долгих лет, под бременем всех перенесенных испытаний Цветаева теряла силы и «тайный жар» уходил из ее жизни, до самой смерти она сохранила неистовство своей души, «безмерность» и «пожар сердца», роднящие ее с Маяковским.

Над проектом работали:

/ Текст, подбор изображений – Мария Степанова

/ Редактура – Любовь Викулина

/ Координация – Наталья Федоренко

/ Верстка – Александра Миндринна

